

тров языковой подготовки при университетах в ФРГ¹ (96 из 104, представленных в интернете) на постоянной основе действуют курсы русского языка, как правило, рассчитанные на 3-4 семестра. По количеству студентов, посещающих курсы, русский занимает пятое место среди 15 языков, курсы которых наиболее часто предлагаются Центрами.

Для подтверждения качества владения разговорным и деловым русским языком разработан экзамен — TORFL (Test of Russian as a Foreign Language), который по своим требованиям соответствует британскому Кембриджскому экзамену по русскому языку. Данный экзамен в 1997 году был признан Министерством образования России. Лица, сдавшие TORFL, получают соответствующий сертификат. Первые сертификаты TORFL в ФРГ были выданы в ноябре 2001 г. Для проведения TORFL было основано несколько центров, напр., центр TORFL при Высшей специализированной школе техники и экономики в Берлине (совместно с Кубанским университетом в Краснодаре), Центр сертификации знаний русского языка при университете в г. Халле (совместно с филологическим факультетом МГУ) и др.

Курсы при Центрах языковой подготовки дают, в основном, начальные знания по языку и нацеливают своих слушателей на прохождение языковой практики в стране изучаемого языка. В связи с этим наблюдается большой интерес со стороны слушателей данных курсов к различным программам по изучению русского языка, предлагаемыми вузами бывшего СССР. Выгодное географическое положение Беларуси (относительная близость расположения, удобное транспортное сообщение с ФРГ и т.д.), богатые традиции в сфере образования и культуры делают нашу страну особо привлекательной для немецких студентов, изучающих русский язык, и открывают заинтересованным кафедрам вузов РБ широкие перспективы для деятельности в указанном направлении.

Т.В. Амосова

Минск (Беларусь)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В РБ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Двуязычие в РБ не является причиной национальной нестабильности, но все двуязычные страны содержат в себе сепаратистский потенциал, что я попытаюсь проиллюстрировать на примере другой двуязычной страны — Израиля. В мои задачи также входит определить то влияние, которое оказывает государственный статус русского языка в РБ на судьбу белорусского.

---

¹ В университетах ФРГ иностранные языки не относятся к числу обязательных предметов и изучаются студентами по желанию в Центрах языковой подготовки.

Основной вопрос, который следует задать себе, можно сформулировать так: является ли полноценное функционирование русского языка на территории РБ препятствием для национального белорусского возрождения?

Деревня Маалюле в Сирии является последним уголком мира, где говорят на живом арамейском языке (31 октября, 2004 г., программа "Вокруг света"). Когда российский телеведущий спросил девушку, изучающую письменный арамейский (поскольку большая часть жителей этой деревни владеет только разговорным арамейским) о ее мотивации, о том, что побуждает ее заниматься изучением почти мертвого языка, она ответила, что арамейский — это язык Христа и было бы просто грешно не выучить его, имея возможность.

То, что девушка называет в качестве мотивации, на самом деле является "Великой традицией" общности носителей данного языка.

"Великая традиция" — это термин, предложенный Джошуа Фишманом — американским исследователем, занимавшимся социологией языка в 60-е—80-е гг. XX в. Он подразумевает наличие культурного наследия, которое могло бы вызывать чувство гордости у людей, ощущающих свою причастность к нему. Такое наследие, как правило, включает в себя и тексты (в устной и/или письменной форме), которые зафиксированы языком высокого престижа.

Наличие либо отсутствие "Великой традиции" (ВТ) вынуждает правящие элиты после образования независимого государства, освободившегося от колониальной зависимости, выбрать одну из моделей языковой политики: если ВТ существует, в качестве официального либо государственного языка объявляется язык ВТ, который чаще всего совпадает с языком титульной нации (тип А); если ВТ отсутствует, в качестве официального языка сохраняется язык бывшей метрополии (тип В); и, наконец, если существует несколько конкурирующих ВТ, то национальная элита пытается сбалансировать их влияние на общество (тип С).

Еще одним критерием, по Дж. Фишману, определяющим языковую политику нового государства, является инструментальная либо экономическая ценность языка, который планируется ввести в качестве официального. Так называемая политика "странизма" призвана в целях оптимизации и повышения эффективности управления страной сократить усилия по внедрению национального языка, если он утрачен или нуждается в особых охранительных мерах, поэтому предпочтение отдается языку бывшей метрополии, поскольку на протяжении какого-то периода времени он был языком делопроизводства и официальной документации.

Языковая политика "национализма" предполагает противоположный подход: возрождение нации, ее культуры и традиций ставится превыше всего, идут на жертвы, связанные с отсутствием оперативности в организации процесса по управлению страной, с целью повысить национальное самосознание.

Языковая политика типа А в сочетании с политикой "национализма" была в полной мере осуществлена в Израиле после создания в

Эрец-Исраэль еврейского государства в 1948 году. Языковая политика типа В в сочетании с принципом «странизма» имеет место в Республике Беларусь. Это отличие в языковых ситуациях. Сходство же заключается в том, что и в Израиле, и в Беларуси существует официальное двуязычие, притом что статусы обоих языков далеко не равны. Фактически в обеих странах наблюдается монолингвизм: доминирование одного официального языка над другим при снижении функционирования вытесняемого языка в жизненно важных общественных сферах с той лишь разницей, что в Израиле в роли доминируемого оказался язык национального арабского меньшинства и евреев-переселенцев из арабских стран, для которых арабский тоже является родным, а в Беларуси доминируемым оказался язык титульной нации.

И в Израиле, и в Беларуси в качестве официальных в первом случае и государственных во втором признаны родственные языки: в Израиле — языки семитской ветви (арабский и иврит), а в Беларуси — два восточнославянских языка.

Арабскому как таковому если и угрожает заметное вытеснение из важных сфер общественной жизни, то произойти это может только в Израиле; в целом же, являясь языком международного общения, официальным языком ООН и будучи широко употребляемым в исламских странах даже с неарабским населением, таких, как Малайзия, Пакистан и другие, он занял довольно прочное положение среди языков народонаселения планеты. Различия между арабским языком и ивритом очень существенны, так что, если и имеет место языковая интерференция — влияние одного языка на другой, ни для самобытности арабского, ни для самостоятельности иврита не существует каких бы то ни было угроз.

Если говорить о двуязычии в нашей стране, то родство русского и белорусского языков более очевидно. Совершенно естественным образом сильный языковой код вытеснит более слабый. Поэтому в наших условиях абсолютно недопустимой является политика «странизма» и даже официального *двуязычия*. Ведь белорусский является официальным языком только в Беларуси. Когда речь заходит об интегративном государстве, которое должно возникнуть как результат интеграционных процессов между Беларусью и Россией, даже не поднимается вопрос о равном статусе белорусского языка по отношению к русскому в этом новом государстве. Между тем Россия, пытаясь сохранить традиционные для себя сферы влияния, заботится о поддержании русского язычного элемента в ближнем зарубежье, в частности на Украине; в Беларуси это происходит при поддержке национальной элиты. Многие западные аналитики видят в этом проявление российского неоимпериализма.